

— Нет, я не выйду. — Се Сицзэ хрипло сказал, отталкиваясь руками и ногами, дернул Сун Ле за волосы при беспорядочных движениях. — Я никуда не пойду, я хочу проводить бабушку. Не уйду, не уйду.

Сун Ле без разбора целовал его в брови и глаза, мягко похлопывал по плечам и спине:

— Цзэбао, хороший. Похороны бабушки организуют другие, ты сначала сходи в больницу, когда спадет температура, вернешься проводить ее, хорошо?

— Плохо.

Се Сицзэ твердо посмотрел на Сун Ле, в глазах мольба:

— Только один раз. Если не выдержи, тогда вези в больницу. Прошу тебя, умоляю.

Только что вытертые слезы снова потекли, глаза покраснели, он изо всех сил приоткрыл их.

— Сун Ле, я умоляю тебя...

Сун Ле резко сжал руки, крепко обняв. Как же он был готов позволить мальчику унижаться перед ним? Он перевел дух, не вынося человека наружу, они вернулись в комнату, он сказал:

— Три раза в день лекарства вовремя, если устанешь — ложись отдыхать, если не выдержишь — скажи мне.

Что бы Сун Ле ни говорил, Се Сицзэ кивал. На самом деле он был не таким слабым, как думал Сун Ле, особенно перед лицом такой критической ситуации. Чем больше болел, тем больше поднималось сил в теле, он горел, но дух вдруг окреп, он помогал Сун Ле готовить последние дела бабушки Гуйхуа.

Сун Ле наклонился, посмотрел на человека, похожего на маленького мужчину, обнял его за голову, потом велел водителю звонить людям. Похороны бабушки Гуйхуа проводили по местным обычаям, все как положено, с почестями проводили её.

Он знал, что этот день наступит, но видя, как человек в объятиях, явно плохо себя чувствующий, все равно выпрямляется и держится, он неизбежно заболел сердцем. Хотел, чтобы Се Сицзэ был сильнее, но и хотел, чтобы он был слабее. Ребенок, которого он растил, как же ему было не жалко.

Бабушке Гуйхуа было за семьдесят, ушла без болезней и бед, это считалось благополучной кончиной, по местным обычаям нужно было устроить поминальный обед.

Водитель нашел монаха, днем тот с людьми приехал. Ночью звучали суоны, курили благовония, проводили обряды, Се Сицзэ держал ночную вахту в зале. Сначала он стоял на коленях, Сун Ле не выдержал, принес низкий табурет. Се Сицзэ не сажился, Сун Ле силой усадил его на табурет, только потом вышел заниматься делами.

Когда стало поздно, часа в два-три ночи, Се Сицзэ все еще тихо сидел перед залом, прищурив опухшие глаза, поза не менялась.

— Сяоцзэ.

Се Сицзэ поднял веки, не ответил.

Сун Ле присел перед ним, мягко уговаривал:

— Поспи немного, хорошо?

Но звать спать Се Сицзэ не шел, Сун Ле не знал, что делать, только жестко заставил его прикрыть глаза на пару минут. Се Сицзэ точно засекал время, сколько сказал, столько и спал, всегда просыпался вовремя.

Се Сицзэ был послушным, кроме того, что не спал. Лекарства пил вовремя, иногда делал пару глотков каши для сил, или держал конфету во рту. По сравнению со вчера он был гораздо спокойнее, словно вырос за одну ночь.

Похороны длились три дня, целых три дня они оба плохо отдыхали, не могли спать ночью. Жар у Се Сицзэ то спадал, то нет, то высокая, то низкая температура. Когда старуху похоронили, по дороге домой Се Сицзэ согнулся и вырвал на обочине. В желудке только кислота и лекарства. Он прислонился к Сун Ле, очень слабый, словно после проводов бабушки дух вышел, щеки впали, глаза большие и яркие, но без сил.

Сун Ле с трудом переносил это, мужчина за тридцать, видя Се Сицзэ в таком состоянии, чуть не заплакал на месте. В конце он нес Се Сицзэ на спине с горы домой. Дома, напряжение трех дней у Се Сицзэ кончилось, только лег в постель, дали лекарство, он уже не мог встать.

Сун Ле потрогал его горячий лоб, не смел терять ни минуты. Водитель не спал три дня с ними, ему было неудобно просить его еще вести машину.

Сун Ле поднял Се Сицзэ и пошел наружу, оглянувшись, сказал водителю:

— Найди в деревне человека, умеющего водить, срочно везем в больницу в поселке.

Се Сицзэ уже горел без сознания, во сне кошмары не мучили, не бредил бабушкой Гуйхуа. Сун Ле собрал его руки и ноги, прижал к себе, взял из шкафа бутылку воды и чистое полотенце, мокрое положил на лоб для охлаждения, на губах от тревоги были волдыри.

Водитель быстро нашел водителя. Тот говорил мало, только брался за деньги за дело. К тому же аура Сун Ле была там, в деревне знали, что он большой босс, не смели лишнего сказать при нем.

Через час добрались до больницы в поселке. В маленьком месте в больнице народу было мало, не стояли в очереди, сразу к врачу. Врач узнал, что человек температурит три дня и не привозили, забыл про упреки взрослым за ошибки, сначала измерил температуру, взял кровь на анализ.

Сун Ле нашел время оформить стационар, вернулся в палату, медсестра как раз ставила капельницу Се Сицзэ. Вены тонкие, два раза промахнулась.

Во сне Се Сицзэ тихо сказал «больно». Сун Ле выставил медсестру, когда она ушла, его спокойное лицо изменилось. Он взял другую руку Се Сицзэ, без иглы, прижал к щеке, закрыл глаза, тихо вздохнул.

К вечеру Се Сицзэ очнулся. Тело после капельницы стало легче, чем в прошлые дни. Он пошевелил рукой, сразу разбудил мужчину рядом.

— Сяоцзэ.

Сун Ле подался вперед, проверяя температуру лба и щек:

— Как чувствуешь?

— Голова еще кружится. — Се Сицзэ облизал белые губы, сознание вернулось к моменту обморока, спросил:

— Как долго я был без сознания?

Сун Ле погладил волосы:

— День.

Капельница висела полдня, он посмотрел на живот Се Сицзэ:

— В туалет хочешь?

— Да.

Се Сицзэ был слаб, сил не было. Желудок пустой, живот раздут. Сун Ле помог ему дойти, после мытья рук он оперся на раковину и снова захотел вырвать.

Се Сицзэ тихо сказал мужчине, который все поддерживал:

— Я очень голоден, и хочется вырвать.

Он согнулся, спина дугой над раковиной, похудел так, что мяса не осталось.

Сун Ле не выдержал, глаза покраснели, целовал его в переносицу снова и снова. Се Сицзэ моргал мокрыми ресницами, отталкивал:

— Не целуй. Лицо в слюне, да и щетина колется.

Сун Ле сквозь боль рассмеялся, пару шагов вернул его на кровать, усадил:

— Я выйду позову врача, по пути принесу еды, подожди.

Мужчина хлопотал, когда вышел из палаты, Се Сицзэ накрыл лицо подушкой, зарылся. Вскоре на подушке остались влажные следы.

«Старый мерзавец, зачем все еще так хорошо ко мне относишься...» Я же к тебе плохо относился.

Вечером измерили температуру, жар спал значительно, голова еще горячая, но сознание ясное.

Сун Ле принес два ужина, боялся, что Се Сицзэ скучно есть пресное, специально купил много фруктов. В деревне бедно, но одно хорошо — сезонные фрукты и овощи свежие и вкусные. Когда Се Сицзэ ел кашу, мужчина чистил фрукты рядом, свой ужин не трогал.

Каша была пресная на вкус, Се Сицзэ смотрел на Сун Ле, вдруг есть не захотел. Он сердито положил ложку, ногой легонько пнул мужчину по ноге:

— Сун Ле, почему ты не ешь.

Зачем выглядишь таким трудолюбивым, я же к тебе плохо, хочешь вызвать чувство вины?

Сун Ле не спеша резал фрукты, аккуратно выкладывал на тарелку:

— Каша слишком пресная?

— Сун, Ле!

Сун Ле вдруг улыбнулся:

— Сейчас буду есть.

Он взял лодыжку Се Сицзэ, хотел спрятать под одеяло, подушечками пальцев бессознательно погладил лодыжку пару раз. Се Сицзэ резко отдернул:

— ...Зачем ты так похотливо трогаешь мою ногу. Какая польза от мужской ноги.

Сун Ле:

— ...

Он потрогал подбородок, приблизился к лицу Се Сицзэ, прямой нос чуть не коснулся его, в глазах плескалась нежная улыбка, спросил:

— Очень похотливо?

Увидев, как бледное лицо Се Сицзэ покраснело, он убрал улыбку:

— Не дразню, поедим.

<http://bllate.org/book/16434/1489733>